

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции

Мария Алексеевна МАЙОРОВА

младший научный сотрудник, Отдел Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: alex1996m5@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-0751-5210

ЦИТИРОВАНИЕ: Майорова М.А. Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 69–83.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

Статья поступила в редакцию 08.04.2022.

Исправленный текст представлен 11.05.2022.

АННОТАЦИЯ. Актуальность вопросов управления миропорядком связана с эскалацией региональных конфликтов, глобальными вызовами современности, возрастающим влиянием негосударственных акторов на международном поле и нарастанием нестабильности системы в целом. В условиях противостояния западному гегемонизму возрастает соперничество за ресурсы и влияние в регионе и в мире. Система международных отношений претерпевает изменения, и в условиях данной трансформации происходит переконфигурация акторов «периферии» и «центра» – уходит эпоха западноцентричного мира. Новые условия системы диктуют новые правила игры – навязывание своей воли запуги-

ванием и военно-экономическими методами становится неэффективным и встречает сопротивление, в связи с чем отдельные страны начали борьбу с гегемонизмом. Можно сказать, что наиболее четко отражающий современные взаимоотношения на мировой арене термин – «лидерство». Данный феномен в статье рассматривается через парадигму «центр» – «периферия», разграничивается глобальное и региональное лидерство на примерах Российской Федерации и Турецкой Республики. Анализируются внешнеполитический курс двух стран, их основные приоритеты и мотивация, сравниваются две модели лидерства на основе выбранных параметров. Обозначена перспектива России стать одним

из центров будущего миропорядка, и исследуется возможность Турции удержаться в позиции регионального лидера и расширить свои зоны влияния. Для сохранения и удержания своих уже наработанных позиций странам необходимо придерживаться политики многовекторности, соответствующей национальным интересам. Идеи по развитию и структуре нового миропорядка и умение брать ответственность за процессы, происходящие на мировой арене, являются неотъемлемой частью действий по укреплению позиций двух стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лидерство, гегемония, система международных отношений, Россия, Турция, центр, периферия, новый мировой порядок.*

Одной из характерных черт современных международных отношений является несбалансированность и изменчивость конфигурации сил. Осложняет ситуацию вмешательство негосударственных акторов в регулирование международных процессов. Более того, изменилась мотивация участия в мировой политике: на первый план выходят идейно-ценностные концепты, всё большую роль в политике играет личность, нежели институты. Можно говорить о том, что человечество стоит на пороге формирования нового миропорядка.

Для современного этапа развития системы международных отношений свойственна полицентричность: увеличивается количество акторов на мировой арене, возникают новые центры, меняется устоявшаяся иерархия мир-системы. Европейским странам и США становится сложно удерживать свой «гегемонизм» исключительно силовыми и экономическими методами – им противостоят страны, несущие свои идеи и видение миропорядка.

Концепция «центр – периферия» и трактовка глобального и регионального лидерства

К определению поведения государств как «лидеров» подтолкнула Вестфальская система международных отношений, где господствовал принцип незыблемости суверенитета. На этапе урегулирования многих территориальных споров главной задачей становилось сохранение влияния без нарушения целостности государства, хотя не исключались и силовые методы воздействия. Таким образом, империалистическая политика стран способствует развитию иных методов «завоевания», нежели исключительно военных.

В процессе развития системы международных отношений характер лидирующего субъекта в них менялся. Т.А. Шаклеина отмечает, что на мировой арене одновременно присутствуют одна сверхдержава, великие державы разного масштаба и негосударственные акторы. Формулируя определение «великой державы», автор указывает на необходимость наличия исторического опыта, традиций и культуры участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока. Основной акцент делается на способности «культуры думать глобально, хотеть и быть способным действовать глобально» [Шаклеина, 2011, с. 29–30].

Словосочетания *global governance* (глобальное управление) преимущественно трактуется через «вертикальный» смысл – как механизм управления одного субъекта другим субъектом. Под таким ракурсом первостепенным является вопрос не о том, как управляется мир, а кто им управляет. Таким образом, в российской науке обозначенные термины носят негативный окрас, связанный с концепцией однополярного мира, который Российская

Федерация не признает [Темников, 2011, с. 17].

В основе гегемонизма лежат идеи о превосходстве одних стран над другими – радикальные, националистические, шовинистские и т. п. Альтернативные точки зрения воспринимаются как угроза господства и не заслуживают права на существование [Авицнова, 2015, с. 90]. Несмотря на то, что понятие гегемонии остается дискуссионным, в западной политической науке прижилось следующее определение: ситуация, при которой в системе международных отношений существует субъект, «являющийся достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие международные отношения» [Keohane, 1984, p. 34].

В широком смысле гегемония характеризуется как ресурсная возможность и желание одного государства влиять на тенденции развития системы международных отношений и определять их, не принимая во внимание позиции других игроков, кроме определенного круга приближенных акторов. Гегемон обладает значительными геополитическими, экономическими и культурными преимуществами, с помощью которых может влиять на мировые процессы. Так, Иммануил Валлерстайн приводит США второй половины XX в. как классический пример гегемона [Wallerstein, 1996, p. 102; Валлерстайн, 2004].

Продвигая свои интересы, США zaloжили фундамент мир-системной интеграции – экономическую зависимость. Суть ее заключается в зависимости от экспорта развивающихся стран в развитые. Таким образом, противопоставить что-либо гегемону было крайне сложно. С одной стороны, развитые страны зависели от импорта развивающихся стран, лояльных политике США. С другой – развивающиеся стра-

ны не могли противостоять в одиночку развитым странам.

Однако ситуация изменилась в силу экономического подъема стран Востока, таких как Китай, Саудовская Аравия, Индия и др. Показательным стал пример политики Ирана в условиях экономических санкций. Таким образом, сложилась ситуация, когда ряд стран стал способен противостоять гегемону.

Являются ли США полноценным гегемоном и какие временные ограничения периода гегемонии Вашингтона – тема для отдельного исследования. В рамках системного подхода можно говорить, скорее, о существующем коллективном гегемоне – условном Западе в лице стран Евросоюза и США, где последний представляет собой гегемона в сложившейся внутренней иерархии коллективной гегемонии. Это не исключает также наличия отдельных региональных или локальных гегемонов среди других акторов международных процессов.

А. Грамши отмечает недостаточную проработанность традиционного понятия гегемонизма [Грамши, 1990], указывая только на негативную его трактовку. Дискуссии ведутся и вокруг феномена лидерства в международных отношениях, который ошибочно могут отождествлять с гегемонией. Более того, сложно определить грань между мировой державой и гегемоном и понять, когда лидерство переходит в гегемонию.

Гегемон стремится установить монополию на власть, в то время как лидер учитывает интересы других игроков на международной арене, предоставляя свободу выбора. Основная цель лидера – не навязать и оказать давление, а убедить и направить.

А.Д. Богатуров практически не разделяет понятия гегемонии и лидерства, давая последнему следующее определение: «ситуация, при которой субъект

мировой политики имеет объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [Богатуров, 1997, с. 11; Богатуров, 2006].

Э.Я. Баталов, напротив, разводит понятия, отмечая, что лидерство – это отличный от господства, гегемонии, доминирования и первенствования способ политического управления [Баталов, 2010].

Г.А. Авцинова отмечает, что «лидерство государств предполагает активную внешнеполитическую деятельность, нацеленную на поиск оптимальной модели сочетания государственных, национальных интересов и интересов своих партнеров для достижения мира и укрепления собственной и международной безопасности и стабильности» [Авцинова, 2015, с. 96].

Однако в целом проблема с употреблением терминов «гегемония» и «лидерство» связана с «разнотечением понятий и их культурно-политическим контекстом» [Темников, 2011, с. 42].

На современном этапе развития системы международных отношений лидера в мировой политике можно обозначить следующим образом: *это субъект, имеющий ресурсы и желающий осуществлять деятельность, направленную на регулирование международных процессов и формирование принципов развития системы международных отношений без преимущественного использования методов давления, но не исключаяющего их, если это требуется для сохранения мир-системы.*

Следствием многополярности является возникновение новых микро- и макрорегионов, где появляется своя подсистема и выявляются ключевые игроки. Таким образом, по масштабам влияния можно выделить три уровня лидерства: глобальный (мировой), региональный и локальный. Определить отношения между данными типами лидеров и выявить модели поведения представляется возможным через парадигму «центр – периферия».

В теории международных отношений данный подход рассматривается как органическое единство ядра (центра) и периферии. Центр, будучи вершиной иерархии, упорядочивает периферию и определяет взаимодействие частей системы между собой и с внешней средой [Миньяр-Белоручев, 2019, с. 6].

Свое начало в теории международных отношений дихотомия «центр – периферия» берет из марксистской теории империализма XX в. Валлерстайн делит мир-систему на периферию, полупериферию и ядро, в рамках которого существует главенствующая держава – гегемон [Wallerstein, 1996; Валлерстайн, 2001].

Следует разводить понятия «ядро» и «центр» несмотря на то, что они являются пересекающимися и взаимодополняющими. Ядро представляют основные мировые державы, определяющие траекторию развития системы международных отношений. Центр – региональная подсистема, в которой они преимущественно существуют. В связи с этим для удобства восприятия далее используются понятия «центр» – «периферия», а не «ядро» – «центр» – «периферия».

Учитывая, что система международных отношений имеет иерархическое устройство, его можно отразить через дихотомию центра и периферии [Миньяр-Белоручев, 2019]. Таким образом, можно говорить о региональном

и глобальном лидерстве, где мировые лидеры – центр, региональные – периферия, а к внешней среде можно отнести остальных акторов международных отношений.

Центр и периферия не являются однородными, а состоят из нескольких отдельных частей. Однако периферия более многообразна и включает в себе различные подсистемы со своими центрами и перифериями, что соотносится с обозначенным выше делением лидеров по уровню: глобальному, региональному и локальному.

В рамках классического системного подхода периферийные государства и их значение были недооценены. Фокус внимания концентрировался на взаимодействии великих держав, в то время как акторы, не способные существенно влиять на развитие системы международных отношений, не представляли интереса для изучения. Ситуация изменилась в конце 1950-х годов, когда зародилась концепция региональных подсистем, что позволило рассматривать государства на периферии в качестве самостоятельных игроков на международной арене [Миньяр-Белоручев, 2019].

Более близким и отражающим действительность представляется подход Эдварда Шилза, разработанный в начале 1960-х годов. Согласно его концепции, каждое общество состоит из центра и периферии. Центр характеризуется границами в пространстве, состоит из институтов и ролей, осуществляемых властью, и вырабатывает идейные конструкты. В свою очередь, периферия перенимает предложенные убеждения и следует правилам, установленным центром. Периферия имеет более сложную и неомогенную структуру, собранную из нескольких частей, в разной степени удаленных от центра. Примечательно, что чем дальше от центра находится сегмент периферии, тем меньше он затрагивается властью цен-

тра и имеет меньшее влияние и созидательный потенциал.

Согласно Эдварду Шилзу, в зависимости от взаимоотношений «центр – периферия» можно выделить три типа структур систем:

1) прямое господство с одним ведущим центром и вмешательство в систему периферии;

2) децентрализованная двухуровневая система, характеризующаяся самостоятельностью периферии в зависимости от удаления от центра;

3) иерархическая система, в которой есть основной центр и субцентры – самостоятельные, но признающие авторитет центра [Шилз, 1972; Shils, 1961].

Обозначенные типы структур можно переложить на теорию международных отношений и соотнести следующим образом: первый отождествляется с гегемонизмом, второй характеризует многополярную систему, третий является описанием феномена лидерства.

Россия – Турция: точки соприкосновения и различия

На данный момент Россия входит в центральную подсистему, а Турция, несмотря на свое желание стать мировой державой, всё же является периферийным государством.

Рассмотрим динамику лидерства двух стран на примере сирийского кризиса. Россия и Турция не побоялись взять на себя ответственность за разрешение ситуации. Была предпринята попытка ввести новый способ регулирования международных конфликтов через «астанинский формат». Примечательно, что в нем не участвуют представители коллективного гегемона, такие как США и страны Европы.

Во-первых, данная ситуация показывает, что решение крупных мировых процессов может происходить без их

вмешательства, даже косвенного, и без организаций, отвечающих за регулирование. То, что сейчас Запад находится в качестве наблюдателя сирийских процессов – следствие успехов внешнеполитической деятельности России и частично Турции [Мозлов, 2021, с. 74].

Во-вторых, «астанинский формат» способствует закреплению России в роли медиатора в отношениях между региональными игроками – Ираном и Турцией. Россия, как мировой лидер, вывела Анкару и Тегеран в сирийском вопросе в качестве ключевых игроков и показала, что можно вести самостоятельную проактивную внешнюю политику [Мозлов, 2021, с. 74–75]. Турция, участвуя в данном процессе, претендует на независимость во внешней политике от западных партнеров по НАТО и увеличение своего веса в регионе. Следует внимательно следить за дальнейшим развитием и оформлением обозначенного формата.

Россия является мировым лидером, оказывающим влияние на международные процессы в силу следующих характеристик: политическая значимость; интеллектуальная сила и потенциал; степень влияния на ход дел в мире; членство в ключевых международных организациях, в том числе в Совете Безопасности ООН; военная мощь и статус ядерной державы. Более того, географическое положение России дает ей огромное преимущество и заставляет других игроков с ней считаться. К перечисленным признакам можно добавить возможности и перспективы в области ресурсного обеспечения, человеческого капитал, успехи в области цифровизации и научно-технического прогресса. Стоит отметить ведущую роль России в решении региональных конфликтов. Мас-

штабы страны, научно-технический и экономический потенциал, наличие ресурсов и сырья, а также накопленный исторический опыт позволяют относить Российскую Федерацию к центру мир-системы [Кортунов, 2008].

Важно отметить, что Россия все отношения выстраивает через всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие, что характеризует ее как лидера, а не как гегемона на уровне официальных документов.

Задача лидера не только упорядочивать систему международных отношений, но и обеспечивать безопасность. В условиях смещения с Запада на Восток геополитического центра экономического и политического влияния одним из важных становится вопрос обеспечения безопасности в Азиатском регионе. Роль гаранта безопасности может выполнять Россия, учитывая ее географическое положение, накопленный дипломатический опыт и политику «поворота на Восток». Особенно актуальным данный вопрос является в связи с угрозой дестабилизации Средней Азии. У России достаточно военно-политических ресурсов для урегулирования возникающих кризисных ситуаций [Щербакова, 2016; Щербакова, 2017].

Серьезность намерений в регионе подтверждается 78-й статьей Концепции внешней политики РФ от 2016 г.: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону»¹.

1 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – 2016. – 30 ноября. – URL: <http://legalacts.ru/doc/kontseptsiya-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения: 01.04.2022).

Обострение ситуации на Украине придало политике «поворота на Восток» новый импульс. В данной связи площадками для активизации сотрудничества могут стать АТЭС, Восточно-азиатский саммит, ШОС, БРИКС, АСЕАН и др. Более того, их можно рассматривать как альтернативы европейским институтам.

Распад биполярной системы дал шанс периферийным государствам претендовать на новые роли в системе международных отношений. Одной из таких стран является Турция, чьи амбиции на сегодняшний день выходят за рамки региональной державы.

В 2001 г. Ахмет Давутоглу, бывший премьер-министр Турецкой Республики и экс-министр иностранных дел, в своей книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции» предложил внешнеполитическую концепцию своего государства, основанную на историческом наследии и особом геостратегическом положении. Следует особо отметить некоторые провозглашенные в ней принципы: проактивность внешней политики, «ноль проблем с соседями», долгосрочная стратегия, гибкие тактики и пространство для маневров и, как следствие, расширение сфер влияния в регионе. Согласно его произведению, особое внимание должно быть уделено территориям бывшей Османской империи: Турция, как правопреемница и покровительница мусульманского мира, должна нести нелегкое бремя ответственности за своих «младших братьев» [Davutoglu, 2010].

Именно на общность культурно-исторического прошлого Анкара делает ставку в работе по расширению зон влияния. Методы и инструменты этой работы довольно разнообразны: политические, экономические, военное сотрудничество и др. Однако наиболее эффективным является «мягкая сила»,

через которую формируются нужные властям нарративы в соседних государствах, в частности культурная и институциональная привлекательность [Аватков, 2021b].

Первоначально приоритет внешнеполитического курса был отдан арабским странам, что вписывалось в принцип «ноль проблем с соседями». Анкара поставила свои геополитические интересы выше интересов своих сильных союзников, чем вызвала недовольство США и других членов НАТО. Забытое чувство признания самостоятельной политики, успехи в установлении политических и культурно-экономических связей с «соседями», а вместе с тем нежелание терять преференции от «друзьбы» с мировыми державами уже тогда заставили турецкую власть действовать осторожно и проводить политику баланса, которая продолжается и сегодня. Таким образом, основной акцент на внешнеполитическом поле был сделан на инвестирование, установление тесных культурно-образовательных и гуманитарных связей и военно-техническое сотрудничество преимущественно в двухсторонних форматах [Дружиловский, Аватков, 2013].

События «арабской весны» были восприняты Турцией как шанс расширения регионального влияния через установление контактов с новыми властями и возможность установления турецкой модели государственности. Это прослеживалось и в призывах Р.Т. Эрдогана к отставке Х. Мубарака в Египте, Б. Асада – в Сирии, и в создании оппозиционной организации Сирийского национального совета, и в других аспектах.

Для России ситуация, складывающаяся на Ближнем Востоке, являлась угрозой региональной и мировой стабильности. Несмотря на наличие собственных интересов в регионе, основной целью проводимой политики

было сохранение мира и обеспечение безопасности. Это еще одна причина, по которой Россия является мировым лидером. Мировое или глобальное лидерство предполагает деятельность преимущественно в интересах системы – то есть предусматривает способность лидера отказаться от реализации собственных интересов в угоду мирового порядка как такового. В этой связи соответствующий уровень лидерства Турции на данном этапе – региональный, – в силу неспособности поступиться амбициями и взять на себя ответственность.

Одной из точек пересечения интересов Москвы и Анкары является постсоветское пространство, особенно турецкие государства, представляющие особую притягательность для Турции – новообразованные после распада СССР государства являются потенциальными союзниками в борьбе за расширение сфер влияния [Аватков, 2021а]. Так, например, Турецкая Республика является первой страной, которая признала независимость Азербайджана в 1991 г.

Россию и постсоветское пространство связывает многовековая история. Однако Турция пытается совершить подмену понятий и в проведении своей политики делает ставку на культурно-историческую общность в контексте построения «тюркского мира», с которым она не всегда соотносится.

В то время как Россия придерживалась политики невмешательства в суверенные государства, образованные в результате распада Советского Союза, Турция вела проактивную политику и насаждала свое видение мира. Одним из главных результатов этой деятельности стало образование Организации тюркских государств, в которую под патронатом Турции входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, а также Туркмения и Венгрия

в статусе наблюдателей. Следует отметить, что Анкара позиционирует себя лидером на мировой арене, однако ее политика на постсоветском пространстве больше похожа на гегемонию, нежели на лидерство.

Инструменты «мягкой силы» становятся главным атрибутом стран, претендующих на лидерство, и сравнимы по эффективности с экономическими, а к традиционным войнам добавляются информационные. Россия на современном этапе вкладывает недостаточно усилий на проведение информационной политики и использование культурного влияния. В то же время Турция активно использует инструменты «мягкой силы», распространяя свое видение мира, в частности концепцию «тюркского мира», на другие государства. Успех в распространении своих идей значительно увеличивает шансы Анкары перейти из периферийного игрока в центрального.

Как отмечает В.А. Аватков, «современному миру свойственно соревнование политических моделей и идеологием, вследствие чего особую важность приобретает формирование нарративов, которые должны соответствовать национальным интересам» [Аватков, 2020, с. 38]. Таким образом, России для удержания статуса мирового лидера необходимо сформулировать и продвигать идеологемы, отражающие видение будущего развития как внутри страны, так и мира в целом, как это делает Турция.

Для того чтобы удерживать позицию мирового лидера во внешней политике, нужно грамотно выстроить внутреннюю. Поэтому на данном этапе перед Россией стоит задача работать на два фронта – внутрь и вовне. Успех последнего преимущественно будет зависеть от успехов первого направления, особенно в условиях борьбы с коллективным гегемоном, кото-

рый будет стремиться сохранить свои позиции, используя различные методы и инструменты воздействия как на мировое сообщество, так и на граждан России. Крайне важным в таком случае является наличие ресурсов и поддержки для обеспечения стабильной ситуации внутри страны. Замена полноценных идеологом краткосрочным манипулятивным воздействием приводит к тому, что гражданин становится не субъектом политического процесса, а объектом влияния не только со стороны своего государства, но и внешних акторов. Отсутствие прививки идейно-ценностных конструктов, обеспечивающих критическое мышление, приводит к всеядному подходу к политике в целом, что пагубно сказывается на реализации внутреннего и внешнего курса развития страны.

* * *

На протяжении последних десятилетий центральное место в системе международных отношений было закреплено за США, регионом Западной Европы. Остальные подсистемы были вынуждены существовать на периферии. Однако сейчас конфигурация сил меняется, вследствие чего Европа теряет свое влияние, отходя на периферию. В центр же приходит Восток.

Для современного этапа развития системы международных отношений характерно размывание старых центров власти и восхождение новых. Коллективный гегемон, состоящий из стран Запада во главе с США, стремится сохранить свое влияние и противостоять развитию других игроков, что приводит к дестабилизации международной обстановки и эскалации конфликтов между «центром» и «периферией» на глобальном и региональном уровнях. Однако для удержания сво-

его статуса следует не сопротивляться, а встраиваться в новую архитектуру международных отношений.

Происходящие политические процессы свидетельствуют о том, что периферия готова сместить центр. Это означает революционные изменения миропорядка, оформлением которого будут заниматься игроки в новых позициях. Среди них – Россия и Турция, способные нести ответственность за мировое сообщество, а не только преследовать свои интересы. Однако Турции еще предстоит доказать, сможет ли она поступиться своими амбициями ради самой системы.

Политика России, как и политика Турции, строилась в соответствии с отношением к существующему миропорядку. Но если для России в основе лежит Ялтинско-Потсдамский порядок, а в приоритете – международное право, устойчивость и безопасность мир-системы, то для Турции такая система является несправедливой, поскольку не принимает во внимание ее интересы [Бдоян, 2017, с. 27]. Такое расхождение в подходах к системе международных отношений в целом раскрывает разность моделей лидерства двух стран.

Модель лидерства – набор параметров, определяющий стиль поведения страны на международной арене (см. таблицу 1). Необходимым представляется выделение следующих параметров:

- *масштаб*, позволяющий определить уровень лидерства и географический охват;
- *система ценностей*, на основе которой страны проводят свою внешнюю политику и которой руководствуются при принятии решений;
- *инструменты влияния*, которыми преимущественно пользуется страна для достижения своих целей или к которым она чаще апеллирует;

- *личность лидера страны*, от которой в большей степени зависит формирование модели лидерства и поведение страны на международной арене;

- *взгляд на систему*, отражающий как возможное видение будущего развития системы, так и отношение к существующей системе;

- *политическая воля*, выражающаяся в степени желания влиять на мировые процессы.

Модели лидерства России и Турции можно сравнить со «львом» и «лисой» Макиавелли соответственно. Одному не хватает хитрости в продвижении своих идей, другому – силы, чтобы идеи подкреплять. Идеальный «правитель» получится только в сочетании этих качеств [Макиавелли, 1982]. Насколько эффективными будут попытки выдержать этот баланс, зависит от политической воли государств и желания сохранить свой лидерский статус. Учитывая, что модель лидерства не яв-

ляется константой, ее динамику можно наблюдать в историческом разрезе на разных временных промежутках.

В рамках процесса переустройства мира институты времен «холодной мировой» и нормативная база Ялтинско-Потсдамской системы уходят в прошлое и находятся на грани исчезновения или серьезного реформирования.

Для того чтобы в формирующейся мир-системе России укрепиться в статусе мирового лидера, а Турции – в качестве регионального, им необходимо придерживаться политики многовекторности, действовать в рамках своих национальных интересов и четко взвешивать принимаемые решения в зависимости от меняющейся конфигурации ключевых игроков. Более того, в условиях обрушения старого миропорядка необходимо предложить идеи по новому мироустройству и убедить в его правильности остальных

Таблица 1. Модели лидерства

Table 1. Models of leadership

Параметр	Россия	Турция
Масштаб	мировой	региональный
Система ценностей	• соблюдение норм международного права • безопасность • правда и справедливость	• подмена понятий • собственные интересы • идея «хаба»
Инструменты влияния	преимущественно «жесткая сила» (hard power) через методы прямого воздействия, включающие военную помощь	преимущественно «мягкая сила» (soft power) через не прямое воздействие в культурной, образовательной и других сферах
Личность лидера страны	харизматичный тип	харизматичный тип
Взгляд на систему	сохранение и соблюдение Ялтинско-Потсдамского порядка, действия в рамках системы и в интересах ее сохранения	несогласие с существующим миропорядком, попытки выйти за рамки системы и реформировать ее
Политическая воля	умеренная, выражающаяся в реакционных действиях на международные процессы	ярко выраженная, отражающаяся в проактивной политике на мировой арене

Источник: Составлено автором на основе сравнительного анализа.

игроков. В зависимости от эффективности и актуальности предложенных идей решаются два вопроса: 1) сможет ли Россия окончательно закрепить себя как мировой лидер и продвинуть свое видение архитектуры миропорядка? 2) останется Турция крупным региональным игроком или сможет выйти за пределы периферии и претендовать на место в центре?

В любом случае болезненный переход от западноцентричной мировой системы к восточной неизбежен. У центральных и периферийных игроков возникает возможность для изменения своего положения на международной арене.

Список литературы

- Аватков В.А. Идеинный фактор и тюркский элемент в политике России сквозь призму трансформации мирового порядка // Россия и современный мир. – 2020. – № 3 (108). – С. 38–49. – DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.
- Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021а. – Т. 14, № 5. – С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8.
- Аватков В.А. Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах. – 2021b. – С. 8–13.
- Авцинова Г.И. Гегемонизм и лидерство государств: исторические и современные аспекты // PolitBook. – 2015. – № 3. – С. 87–102.
- Баталов Э.Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаплеина. – Москва : КРАСАНД, 2010. – С. 41–45.
- Бдоян Д.Г. Российско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке // Обозреватель – Observer. – 2017. – № 6 (329). – С. 23–33.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). – Москва : Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
- Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. – 2006. – № 3 (12). – С. 48–57.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – Санкт-Петербург : Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
- Валлерстайн И. Периферия // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – С. 671–679.
- Грамши А. Искусство и политика: в 2 томах. – Москва : Искусство, 1990. – 336 с.
- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель – Observer. – 2013. – № 6. – С. 73–88.
- Кортунов С.В. Россия на пути к мировому лидерству // Безопасность Евразии. – 2008. – № 4. – С. 7–35.
- Макиавелли Н. Государь: избранные сочинения. – Москва : Художественная литература, 1982. – 503 с.
- Миньяр-Белоручев К.В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // Новая и Новейшая история. – 2019. – Выпуск 6. – С. 5–18. – DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
- Мозлов А.Т. Россия, Турция и Иран на пути к потенциальному лидерству в региональном раскладе сил // Восточный альманах: сборник научных статей / Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва : Обще-

ство с ограниченной ответственностью «Квант Медиа», 2021. – С. 73–78.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе: Научное издание. – Москва : Аспект Пресс, 2011 – 173 с.

Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 2 (26). – С. 29–39.

Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – Москва : Прогресс, 1972. – С. 341–359.

Щербакова А.Я. Вопросы регулирования мирового пространства в XXI веке // Обозреватель – Observer. – 2016. – № 8 (319). – С. 30–38.

Щербакова А.Я. Россия и Восток: Проблемы безопасности и политического лидерства // Россия и современный мир. – 2017. – № 4 (97). – С. 194–201.

Keohane R. International Institutions and State Power; Essays in International Relations Theory. – Boulder (Col.) : Westview Press, 1989. – 280 p. – DOI: 10.7202/702764ar.

Shils E. 'Centre and Periphery' in The Logic of Personal Knowledge; Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11th March 1961. – London : Routledge & Paul, 1961. – P. 117–130.

Wallerstein I. The inter-state structure of the modern world-system / Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.) // International theory: positivism and beyond. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 87–107.

Давутоглу А. Стратегическая глубина. Международное положение Турции. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. – İstanbul : Küre Yayınları, 2010. – 584 p. – Турец. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

The Dichotomy of Regional and Global leadership in Modern International Relations on the Example of Russia and Turkey

Maria A. MAYOROVA

Junior researcher, Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation,
117418

E-mail: alex1996m5@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-0751-5210

CITATION: Mayorova M.A. (2022). The Dichotomy of Regional and Global Leadership in Modern International Relations on the Example of Russia and Turkey. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 69–83 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

Received: 08.04.2022.

Revised: 11.05.2022.

ABSTRACT. *The urgency of the issues of the world order management is associated with the escalation of regional conflicts, global challenges of our time, the increasing influence of non-state actors in the international field and the increasing instability of the system as a whole. In the face of opposition to Western hegemony, competition for resources and influence in the region and in the world is increasing. The system of international relations is undergoing changes and in the conditions of this transformation, the actors of the “periphery” and “center” are reconfiguring – the era of the Western-centric world is passing away. The new conditions of the system dictate new rules of the game – imposing one’s will by intimidation and military-economic methods has become ineffective and meets resistance, and therefore individual countries have begun to fight*

hegemonism. The term that most clearly reflects modern relations on the world stage can be called “leadership”. This phenomenon is considered in the article through the “center–periphery” paradigm, global and regional leadership is distinguished by the examples of the Russian Federation and the Republic of Turkey. The foreign policy course of the two countries, their main priorities and motivation are being analyzed, two leadership models are being compared based on the selected parameters. The prospect of Russia becoming one of the centers of the future world order is being outlined, and the possibility of Turkey to stay in the position of a regional leader and expand its zones of influence is being explored. In order to preserve and retain their already established positions, it is necessary to adhere to a multi-vector policy that corresponds to

national interests. Ideas on the development and structure of the new world order and the ability to take responsibility for the processes taking place on the world stage are an integral part of strengthening the positions of the two countries.

KEYWORDS: *leadership, hegemony, system of international relations, Russia, Turkey, center, periphery, new world order.*

References

- Avatkov V.A. (2020). The Ideological Factor and the Turkic Element in Russia's Policy through the Prism of Transformation of the World Order. *Russia and the contemporary world*, no. 3 (108), pp. 38–49. DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.
- Avatkov V.A. (2021a). The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 5, pp. 162–176 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8.
- Avatkov V.A. (2021b). Turkish “Hub” Ideology. *Oriental Almanac*, pp. 8–13 (in Russian).
- Avtsinova G.I. (2015). Hegemonism and state leadership: historical and modern aspects. *PolitBook*, no. 3, pp. 87–102 (in Russian).
- Batalov E.Y. (2010). The beginning of the XXI century: a world without poles, a world without a global leader. *Leadership and competition in the world system: Russia and the USA*, A.D. Bogaturov, T.A. Shakleina (eds.). Moscow : KRASAND, pp. 41–45 (in Russian).
- Bdoyan D.G. (2017). Russian-Turkish contradictions in the Middle East. *Obozrevatel–Observer*, no. 6 (329), pp. 23–33.
- Bogaturov A.D. (1997). *Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International relations in East Asia after World War II (1945–1995)*. Moscow : Konvert – MONF, 353 pp. (in Russian).
- Bogaturov A.D. (2006). Leadership and decentralization in the international system. *International Processes*, no. 3 (12), pp. 48–57 (in Russian).
- Davutoğlu A. (2010). *Strategic depth. Turkey's international position*. Davutoğlu A. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul : Küre Yayınları, 584 pp. (In Turkish).
- Druzhilovsky S.B., Avatkov V.A. (2013). Foreign policy ideologems of Turkey (2002–2012). *Obozrevatel – Observer*, no. 6, pp. 73–88 (in Russian).
- Gramsci A. (1990). *Art and Politics: In 2 volumes*. Moscow : Iskustvo, 336 pp.
- Keohane R. (1989). *International Institutions and State Power; Essays in International Relations Theory*, Boulder (Col.) : Westview Press, 280 pp. DOI: 10.7202/702764ar.
- Kortunov S.V. (2008). Russia on the way to world leadership. *Security of Eurasia*, no. 4, pp. 7–35 (in Russian).
- Machiavelli N. (1982). *The Sovereign: Selected Writings*. Moscow : Khudozh. lit., 503 pp.
- Minyar-Beloruchev K.V. (2019). The core and periphery of the system of international relations: the nature of interaction. *New and Modern history*, issue 6, pp. 5–18 (in Russian). DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
- Mozloev A.T. (2021). Russia, Turkey and Iran on the way to potential leadership in the regional balance of forces. *Vostochny Almanac: collection of scientific articles*, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow : Kvant Media Limited Liability Company, pp. 73–78 (in Russian).
- Shakleina T.A. (2011). Great Powers and Involved Subsystems. *International processes*, vol. 9, no. 2 (26), pp. 29–39 (in Russian).
- Shcherbakova A.Y. (2016). Issues of regulation of the world space in the XXI century. *Obozrevatel – Observer*, no. 8 (319), pp. 30–38 (in Russian).

Shcherbakova A.Y. (2017). Russia and the East: Problems of security and political leadership. *Russia and the Modern World*, no. 4 (97), pp. 194–201 (in Russian).

Shils E. (1961). 'Centre and Periphery' in *The Logic of Personal Knowledge; Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11th March 1961*, London : Routledge & Paul, pp. 117–130.

Shils E. (1972). Society and societies: macrosociological approach. *American Sociology: perspectives, problems, methods*, Moscow : Progress, pp. 341–359.

Temnikov D.M. (2011). *Leadership and self-organization in the world system: Scientific edition*. Moscow : Aspect Press, 173 pp. (in Russian).

Wallerstein I. (1996). *The inter-state structure of the modern world-system*, Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.). International theory: positivism and beyond, Cambridge : Cambridge University Press, pp. 87–107.

Wallerstein I. (2001). *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. Translate from English P.M. Kudyukin, B.Yu Kagarlitsky (ed). St. Petersburg : Publishing house "University Book", 416 pp. (in Russian).

Wallerstein I. (2004). Periphery. *Economic theory*. J. Ithwell, M. Milgate, P. Newman (ed.), Moscow : INFRA-M. pp. 671–679 (in Russian).